

Андрей Платонович Платонов

Из истории создания повести
«Котлован»

Даты работы над рукописью проставлены самим автором - декабрь 1929 - апрель 1930 г. Такая хронологическая точность далеко не случайна: именно на этот период приходится пик коллективизации. Точные даты недвусмысленно указывают на конкретные исторические события, составившие рамку повествования. 7 ноября 1929 г. появилась статья Сталина «Год великого перелома», в которой обосновывалась политика сплошной коллективизации; 27 декабря Сталин объявил о «начале развернутого наступления на кулака» и о переходе к «ликвидации кулачества как класса»; 2 марта 1930 г. в статье «Головокружение от успехов» Сталин ненадолго затормозил насильственную коллективизацию, а в апреле «Правда» опубликовала его статью «Ответ товарищам колхозникам». «Котлован» создается даже не по горячим следам - он пишется практически с натуры: хронологическая дистанция между изображаемыми событиями и повествованием отсутствует.

Замысел «Котлована» относится к осени 1929 г. Платонов в это время работал в Наркомате земледелия по своей технической специальности - в отделе мелиорации - и занимался проблемами мелиорации в Воронежской области. На это же время пришлась жестокая проработка его рассказа «Усомнившийся Макар» (рассказ был опубликован в журнале «Октябрь», 1929, № 9). Ясно и внятно изложив свои сомнения в новом мироустройстве, Платонов обратил на себя внимание высших инстанций: «идеологически двусмысленный» и «анархический» рассказ попал на глаза Сталину - и его оценка послужила сигналом для травли Платонова.

Рассказ Платонова не вписывался в официальную идеологию по всем пунктам. Обязательный пафос самоабвенного служения будущему - но не настоящему - «подменяется» у Платонова напряженным вниманием именно к «сегодня» и «сейчас»-. Вместо героического преобразователя мира, героя поступка, писатель показывает «задумавшегося» человека, «рефлексирующего меланхолика». Итогом внутренней эволюции героя, с точки зрения идеологии, должна была стать душевная монолитность и непоколебимая уверенность в своей правоте - Платонов же выбирает в герои «усомнившегося Макара».

Анализ текста

Сюжетно-композиционная организация повествования

В самом общем виде события, происходящие в «Котловане», можно представить как реализацию грандиозного плана социалистического строительства. В городе строительство «будущего неподвижного счастья» связано с возведением единого общепролетарского дома, «куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата». В деревне строительство социализма состоит в создании колхозов и «ликвидации кулачества как класса». «Котлован», таким образом, захватывает обе важнейшие сферы социальных преобразований конца 1920 - начала 1930-х гг. - индустриализацию и коллективизацию. Сюжетную канву повести можно передать в нескольких предложениях. Рабочий Воцев после увольнения с завода попадает в бригаду землекопов, готовящих котлован для фундамента общепролетарского дома. Бригадир землекопов Чиклин находит и приводит в барак, где живут рабочие, девочку-сироту Настю. Двое рабочих бригады по указанию руководства направляются в деревню - для помощи местному активу в проведении коллективизации. Там они гибнут от рук неизвестных кулаков. Прибывшие в деревню Чиклин и его товарищи доводят «ликвидацию кулачества» до конца, сплавив на плоту в море всех зажиточных крестьян деревни. После этого рабочие возвращаются в город, на котлован. Заболевшая Настя той же ночью умирает, и одна из стенок котлована становится для нее могилой.

Привычная логика подсказывает, что если произведение начинается дорогой, то сюжетом станет путешествие героя. Однако возможные ожидания читателя не оправдываются. Дорога приводит Вощева вначале на котлован, где он на какое-то время задерживается и из странника превращается в землекопа. Затем «Вощев ушел в одну открытую дорогу» - куда она вела, читателю остается неизвестно. Дорога вновь приводит Вощева на котлован, а затем вместе с землекопами герой отправляется в деревню. Конечным пунктом его путешествия опять станет котлован.

Платонов словно бы специально отказывается от тех сюжетных возможностей, которые предоставляются писателю сюжетом странствий (попытайтесь их кратко охарактеризовать, опираясь на примеры из литературы XIX века). Маршрут героя постоянно сбивается, он вновь и вновь возвращается к котловану; связи между событиями все время нарушаются. Событий в повести происходит довольно много, однако жестких причинно-следственных связей между ними нет: в деревне убивают Козлова и Сафронова, но кто и почему - остается неизвестно; Жачев отправляется в финале к Пашкину - «более уже никогда не возвратившись на котлован». Линейное движение сюжета заменяется кружением и топтанием вокруг котлована

Важное значение в композиции повести получает монтаж совершенно разнородных эпизодов: активист обучает деревенских женщин политической грамоте, медведь-молотобоец показывает Чиклину и Вощеву деревенских кулаков, лошади самостоятельно заготавливают себе солому, кулаки прощаются друг с другом перед тем как отправиться на плоту в море. Отдельные сцены вообще могут показаться немотивированными: второстепенные персонажи неожиданно появляются перед читателем крупным планом, а затем так же неожиданно исчезают (приведите примеры таких эпизодов). Гротескная реальность запечатлевается в череде гротескных картин.

Наряду с несостоявшимся путешествием героя Платонов вводит в повесть несостоявшийся сюжет строительства - общепролетарский дом становится грандиозным миражом, призванным заменить реальность. Проект строительства изначально утопичен: его автор «тщательно работал над выдуманными частями общепролетарского дома». Проект гигантского дома, который оборачивается для его строителей могилой, имеет свою литературную историю - он ассоциируется с хрустальным дворцом из романа Чернышевского «Что делать?» и, безусловно, Вавилонской башней. Здание человеческого счастья, за строительство которого заплачено слезами ребенка, - предмет размышлений Ивана Карамазова из романа Достоевского «Братья Карамазовы».

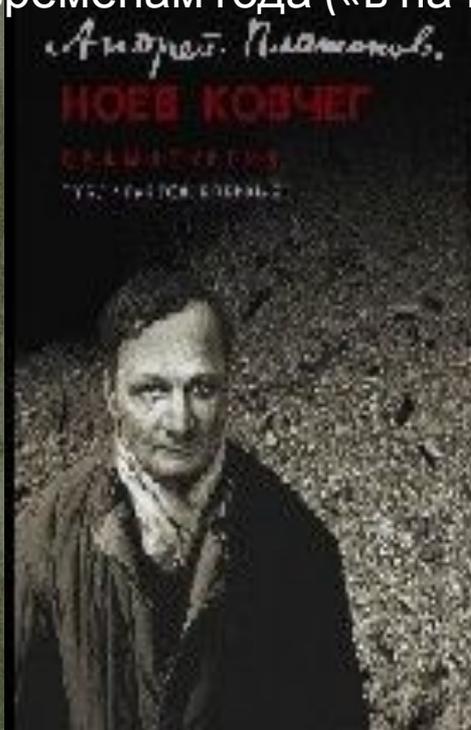

Сама идея Дома определяется Платоновым уже на первых страницах повести: «Так могилы роют, а не дома», - говорит бригадир землекопов одному из рабочих. Могилей в финале повести котлован и станет - для того самого замученного ребенка. Смысловый итог строительства «будущего неподвижного счастья» - смерть ребенка в настоящем и потеря надежды на обретение «смысла жизни и истины всемирного происхождения», в поисках которой отправляется в дорогу Воцев. «Я теперь ни во что не верю!» - логическое завершение стройки века.

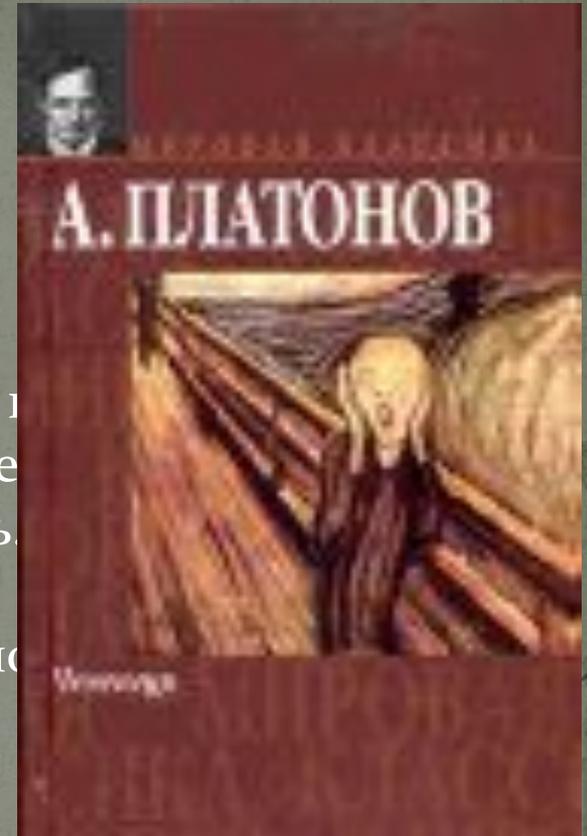
Пространственно-временная организация текста

Определить хронологические границы действия в «Котловане» позволяет авторская датировка в конце повести: декабрь 1929 - апрель 1930 г. Более точно сориентироваться во временных координатах позволяют конкретные детали повествования. Начинается действие в самом конце лета 1929 г. («в день тридцатилетия личной жизни» Воцева стояла жара, но уже начали опадать листья с деревьев), а заканчивается в первых числах марта 1930 г. (активист получает директиву, написанную «по мотивам» статьи Сталина «Головокружение от успехов» от 2 марта 1930 г.). Более точных указаний на время событий в самом тексте нет, не упоминаются даже названия месяцев - и отсчет времени ведется по временам года («в начале осени, в ступенькостворении»).

Особенности хронологической рамки повествования внутреннее движение времени в «Котловане» крайне неоднородно. Внутренние часы «Котлована» то останавливаются, то лихорадочно ускоряют ход. Организация колхоза - раскулачивание «зажиточного бесчестья», высылка кулаков и празднование победы - занимает один день, но день этот в повествовании выписан по минутам и заполнен множеством эпизодов. При этом почти полгода в действии повести сливаются в один монотонно тянущийся день, лишенный каких-либо событий. В финале же «Котлована» пятнадцать часов и вечность уместаются в одном абзаце (Чиклин пятнадцать часов рыл могилу в «вечном камне»). Ось времени в «Котловане» устремлена в вечность - веками повторяющиеся четыре времени года, о которых постоянно напоминает умирающая Настя, важнее, чем «однократные» исторические даты.

Если временные рамки повествования в «Котловане» четко обозначены, то пространство регулярно теряет сколько-нибудь определенные очертания. Особое внимание следует обратить на топографические наименования, которые используются в повести. СССР и Россия - самые «малые» пространства, которые имеют названия. Город, в котором строится общепролетарский дом, и деревня, в которой идет раскулачивание, вообще не имеют названий - зато упоминается Млечный Путь. Единственное «локальное» обозначение - колхоз имени Генеральной Линии. Название это построено Платоновым на основе оксюморона: генеральная линия была провозглашена в связи с курсом на индустриализацию. Название колхоза должно было переводиться с бюрократического языка на нормальный примерно так: «колхоз имени линии уничтожения крестьянства». Пространства индустриализации и коллективизации в повести взаимопроницаемы: действие разворачивается одновременно в городе и деревне.

Герои повести обитают в мире, лишенном пространственных ориентиров: землекопы и крестьяне «расходятся в окрестность» или уходят «внутрь города»; Чиклин, рассердившись, зашвырнул Жачева «прочь в пространство»; кулаков «ликвидируют вдаль», сплавляя на плоту вниз по реке. Начинается путешествие Вощева с того, что он «не знал, куда его влечет, и облокотился в конце города на низкую ограду...» Масштаб пространства резко меняется - «конец города» оказывается сопоставим с «низкой оградой».

Примечателен и разговор Вощева с шоссейным надзирателем: «Далеко здесь до другого какого-нибудь города?» - спрашивает Вощев. Сам принцип ориентации в пространстве - «какого-нибудь», «другого» - противоречит всем привычным нормам. В классическом пространстве человек движется «от- к», и у этого движения обязательно есть направление. В мире Платонова направления отсутствуют: герой идет «куда-то» (или ему вообще «некуда идти»), и идти для него - важнее, чем дойти.

Отличительными платоновскими синонимами к понятию «пространство» становятся «неизвестное место» («из неизвестного места подул ветер»), «порожнее место» («Елисей уставился в мутную сырость порожнего места»), «пустопорожнее» («дул ветер с пустопорожней земли»).

Речь своих героев Платонов строит по «стандартам» эпохи: они, усваивая язык директив и лозунгов, пытаются изъясняться так же: «Вопрос встал принципиально, и надо его класть обратно по всей теории чувств и массового психоза». Формулировка Сафронова ничуть не хуже тех, которые он мог слышать по радио, или тех, которыми пользуется активист, заполняя ведомость «бедняцко-средняцкого благоустройства»: одна графа называлась «перечень ликвидированного насмерть кулака как класса, пролетариатом, согласно имущественно-выморочного остатка». Разница лишь в том, что в официальной речи слова выпотрошены, лишены живого значения и призваны удостоверить принадлежность говорящего к правящему классу, а Сафронов видит все слова в их «предметном», осязаемом облике. Закон овеществления абстракций является для языка Платонова универсальным - и действует даже при пародировании идеологических клише.

Каламбуры, в основе которых лежит реализация метафоры, - устойчивый компонент платоновского обращения с идеологическими стереотипами. Формула «курс на интеллигенцию» в «Котловане» становится указанием того, куда идет герой - в буквальном значении: «Козлов... хотел идти к Прушевскому...

- Ты что, Козлов, курс на интеллигенцию взял? Вон она сама спускается в нашу массу.

Прушевский шел на котлован...»

Стандартная публицистическая метафора «костер классовой борьбы», вложенная в уста Сафронова, перерастает в фантазмагорию конкретизации: «Мы уже не чувствуем жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть: где же тогда греться активному персоналу».